

ВЕСЁЛЫЯ
НАУКА

Максим Амелин

или

*Подлинная повесть
о знаменитом Брюсе,
переложенная стихами
со слов нескольких
очевидцев*

УДК 82-132
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
А 61

Выпущено при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018)

Послесловие Михаила Визеля
Иллюстрации Петра Перевезенцева

Амелин М. А.

Весёлая наука, или Подлинная повесть о знаменитом Брюсе, переложенная стихами со слов нескольких очевидцев / Максим Амелин; послесл. М. Я. Визеля; ил. П. Ю. Перевезенцева. – М.: Август, 2018. – 72 с., ил. – (Серия «Книги для самых больших»)

Отдельное иллюстрированное издание поэмы в жанре «фэнтези» Максима Амелина (р. 1970), написанной по мотивам народных легенд о московском чародее Брюсе. Его прототипом стал один из ближайших сподвижников Петра I, полководец, дипломат и учёный, проявивший свои таланты в разных областях знаний и навыков, генерал-фельдцейхмейстер, граф Яков Вилимович Брюс (1669–1735). Невероятные события разворачиваются в Санкт-Петербурге и Москве, на земле и в небесах, в прошлом и будущем.

ISBN 9785904065300

© М. Амелин, текст, предисловие, 2018
© М. Визель, послесловие, 2018
© П. Перевезенцев, иллюстрации, 2018
© Издательство «Август», 2018

«Весёлая наука» в разрезе

Необязательное предисловие

Что знает автор о своём произведении? – Немногим больше, чем читатель, впервые взявший в руки его книгу. Об этом немногом я и попытаюсь очень кратко рассказать.

Замысел повести в стихах возник у меня в 1994 году по прочтении «Московских легенд», собранных в 1920-е Евгением Барановым у извозчиков и дворников. Оказалось, что в русском городском фольклоре есть особый персонаж, сравнимый с немецким Доктором Фаустом, польским Паном Твардовским и еврейским Махаралем из Праги, создателем Голема, да ещё и соимённый знаменитому сподвижнику Петра Первого.

Я стал собирать всевозможные сведения об историческом Якове Вилимовиче Брюсе по разным источникам, потому что отдельной его биографии тогда не существовало, и даже в советских книгах о деятелях Петровского времени посвящённых ему глав почему-то не находилось. «Так он же шотландец», – сказал мне один знакомец. И что тут такого? В становлении русской культуры участвовали люди разных национальностей: шотландцы и датчане, итальянцы и немцы, поляки и сербы, украинцы и белорусы, греки и евреи, армяне и грузины, молдаване и татары, мордвины и буряты и много кто ещё.

Народное сознание как раз приняло Брюса безоговорочно: легенды о нём начали складываться ещё при его жизни. Новые сюжеты продолжают появляться и в наши дни: будто бы Брюсовы чертежи попали к Сталину, и потом именно по ним были построены Кольцевая линия метро, московские высотки и чуть ли не первый космический корабль. Как литературный персонаж Брюс появился у прозаиков Александра Вельмана и Ивана Лажечникова в 1830-х.

Меня увлекло само устройство механизма превращения исторического персонажа в фольклорного, а затем в литературного. Оказалось, что в отдельных случаях опираться на существующие легенды не обязательно и можно вписать некоторые биографические факты непосредственно в художественный текст. Просто пересказывать в стихах истории, связанные с Брюсом, мне было неинтересно – они и без меня есть. А вот выстроить единый сюжет и задать некую хронологию событий – сложная задача. Разрозненные эпизоды были записаны в тетради. Пришлось их вырезать и склеить в длинный свиток. Время всего происходящего в повести само собой ужалось до трёх с половиной недель.

Но для большого поэтического текста, в отличие от прозаического, одного сюжета мало – нужен незаезженный и гибкий метр. Как нельзя лучше пришёлся уже мной опробованный прежде шестиударный дольник с цезурой, один из вариантов русского гекзаметра, разработанного Тредиаковским («О любезное чадо, я всегда содро-

гаюсь...»). Изобретать отдельную строфу не было смысла — текст может течь и единым потоком, переносясь из одного четверостишия с перекрёстной рифмой в другое.

Однако «Весёлая наука» никогда бы, наверно, не была написана, не прочти я в одиннадцатом «Новом мире» за 1997 год «Разновразие» Ирины Поволоцкой, где рассказчица — московская кухарка, по-своему увидевшая весь XX век. Этой сказовой интонации (городской, а не сельской), как выяснилось, мне и не хватало, чтобы сдвинуть с места повесть о Брюсе. Дальше она уже зажила по каким-то своим внутренним законам. В стиховую ткань сами собой вплелись явные и скрытые цитаты из Гомера и Овидия, из Нестора Летописца, но больше всего — из русских поэтов XVIII—XX веков.

Глоссы на полях взялись из «Баллады о старом мореходе» Кольриджа (поэма Петра Буслаева «Умозрительство душевное» (1734), где тоже есть глоссы, в советских издания печаталась без них). Пустую строфу с изображением метра я уволок, кажется, у Каммингса. Весь изобразительный ряд получился не лубочный, а барочный, только перерисованный как бы в мультипликационной манере.

За двадцать лет «Весёлая наука» печаталась трижды по-русски (в «Новом мире» и в составе моих книг) и дважды в переводе Ани Фишер и Дерека Монга на английский (в журнале и в недавно вышедшей книге). Рад, что настало время её отдельного издания.

Ирине Поволоцкой

Всем о тебе поведать нужен настрой особый, —
музы одной не хватит, даже девятки муз
было бы маловато, но — собери попробуй —
разбрелись, разбежались, — удивительный Брюс! —

Не святой, не властитель, не разбойник, не воин, —
в чём же твои заслуги? — житие каково? —
кто же ты, что по праву вечности удостоен? —
Разве слепая жница — смерть — обошла кого? —

О! про тебя словечко молвить неосторожно
вслух, тем более повесть целую расписать
боязно, потому что и поплатиться можно
головой неразумной запросто. — Время! вспять

Вступление. —
Сетования по поводу
несвоевременной отлучки
всех известных муз. —
Объявление имени
главного героя. —
Попытка определить
его отличие
от противного. —
Осознание опасности для
повествователя,
могущей постигнуть его
в продолжение повести. —
Призвание времени.

двигнись.—Гнедую пару-тройку лихих столетий
запрягай-ка—да в Питер-бурх на Неве-реке
широкошумной.—Правит бал не второй, не третий
Пётр: вся держава в правой, скипетр в левой руке,

на голове корона.—Весь—натюрморт, персоной
собственной восседает гордо на троне он,
туркам грозя и шведам пальцем, России сонной
перебить замышляя сладкотягучий сон.

Служит ему исправно Брюс: например, погоды
все перемены знает в точности наперёд,
предрекает по звёздам всех сражений исходы,—
и без Брюса не ходит Пётр ни в один поход:

Смелый приступ
к предмету.—
Парадный портрет
Петра Первого.—

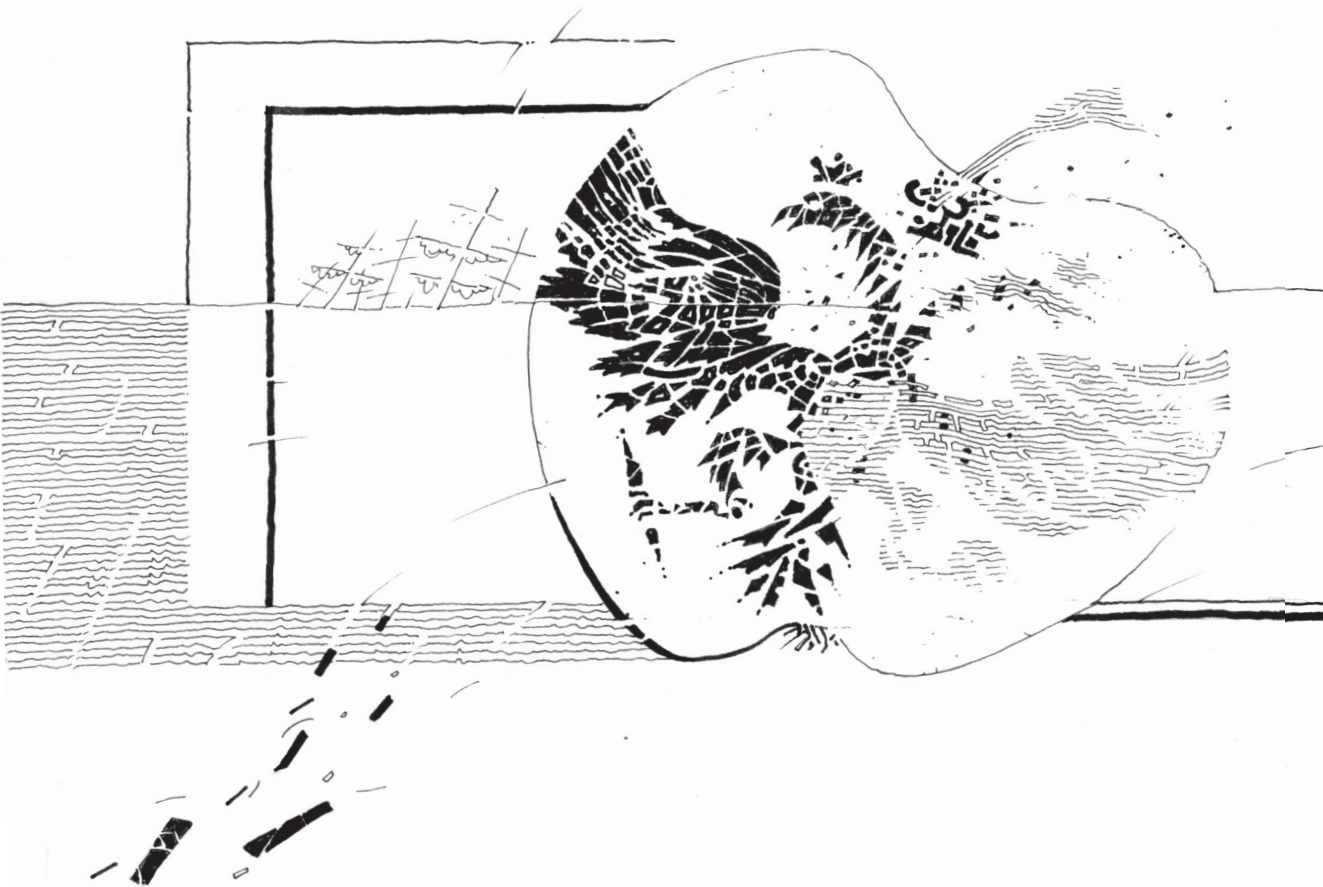
Деловые и практические
качества Брюса,
проявленные им во
время войны.

где там стоять пехоте, пушкам палить куда там. —
Надобно — остановит солнца по кругу бег,
может в глаза тумана напустить супостатам, —
среди июльского зноя вызвать январский снег, —

на море сделать бурю, — вражеский флот пожаром
испепелить внезапно, свергнув огонь с небес. —
Словом, Петру победы все доставались даром, —
с Брюсом у силы русской видимый перевес. —

А в промежутках между войнами Брюс орешки
грецкие знаний книжных не устаёт колоть,
наблюдая паденье яблок, орла и решки. —
То призывает разум, дабы душа и плоть

Мирные подвиги Брюса,
его великие открытия: закон
всемирного тяготения,
теория вероятностей. —

прение прекратили; то замирает перед
дальновидным подзором, острый вперя взгляд
в россыпь созвездий вещих; то поминутно мерит,
заново размечая вечности циферблат,

время.—Но шумных пиршеств он не любил.—Однажды
гул ассамблеи пьяной, танцы для живота—
жарко!—«Воды бы! море,—умирая от жажды,—
выпил бы»,—Брюса просит царь,— и пошла вода,

потекла водопадом с лестниц, по коридорам
бурным потоком, в щели пола и потолка,—
все закричали криком, все заорали ором:
«Из берегов гранитных вышла Нева-река!»—

Философские
размышления.—
Астрономические
наблюдения.

Презрение Брюса
к необузданным
удовольствиям знати.—
Необычайный случай
во время безудержного
разгула, а именно:
мнимое наводнение.

«Наводнение!»— Гости испугались потопа,
дамы задрали юбки, на столы повскакав,—
срамотою зияет Азия и Европа. —
Вынул из пола пробку Брюс, засучив рукав,

вынул— и стало сухо. — Больно скучна потеха
царская: вот водою он возьми да ошпарь
всех ледяной, студёной, — содрогаясь от смеха,
заливается звонко. — Грозен и мрачен царь —

набок сползла корона. — К царскому взвилась уху
свита, — ох, не по нраву Брюсовы чудеса. —
«Вон из столицы новой в старую, чтобы духу...» —
Пётр не успел домолвить. — За полтора часа

Неблагоприятное
для Брюса последствие:
ссора с Петром. —
Вынужденный побег.

Брюс до Москвы добрался цел, невредим. — Вдогонку
кинулись — не догнали. — Ибо в запрошлый год
он из стальных и медных планок и шестерёнок,
скреп и пружин составил аероветролёт, —

новенький и блестящий, под дождём и под градом
долго стоял Дворцовой площади он, пылясь,
посередине ровно — царским мешал парадом.
«Что за штука такая здесь собирает грязь?» —

вопросили, — ан вот что вышло. — А всё наука, —
Брюс не в России, точно, выучился всему,
впрочем, никто не знает, подлинно ли? А ну-ка
разбери после стольких лет. Говорят, уму

Путешествие
из Петербурга в Москву. —
Описание летательного
устройства Брюса.

Восхищение необычными
способностями Брюса.

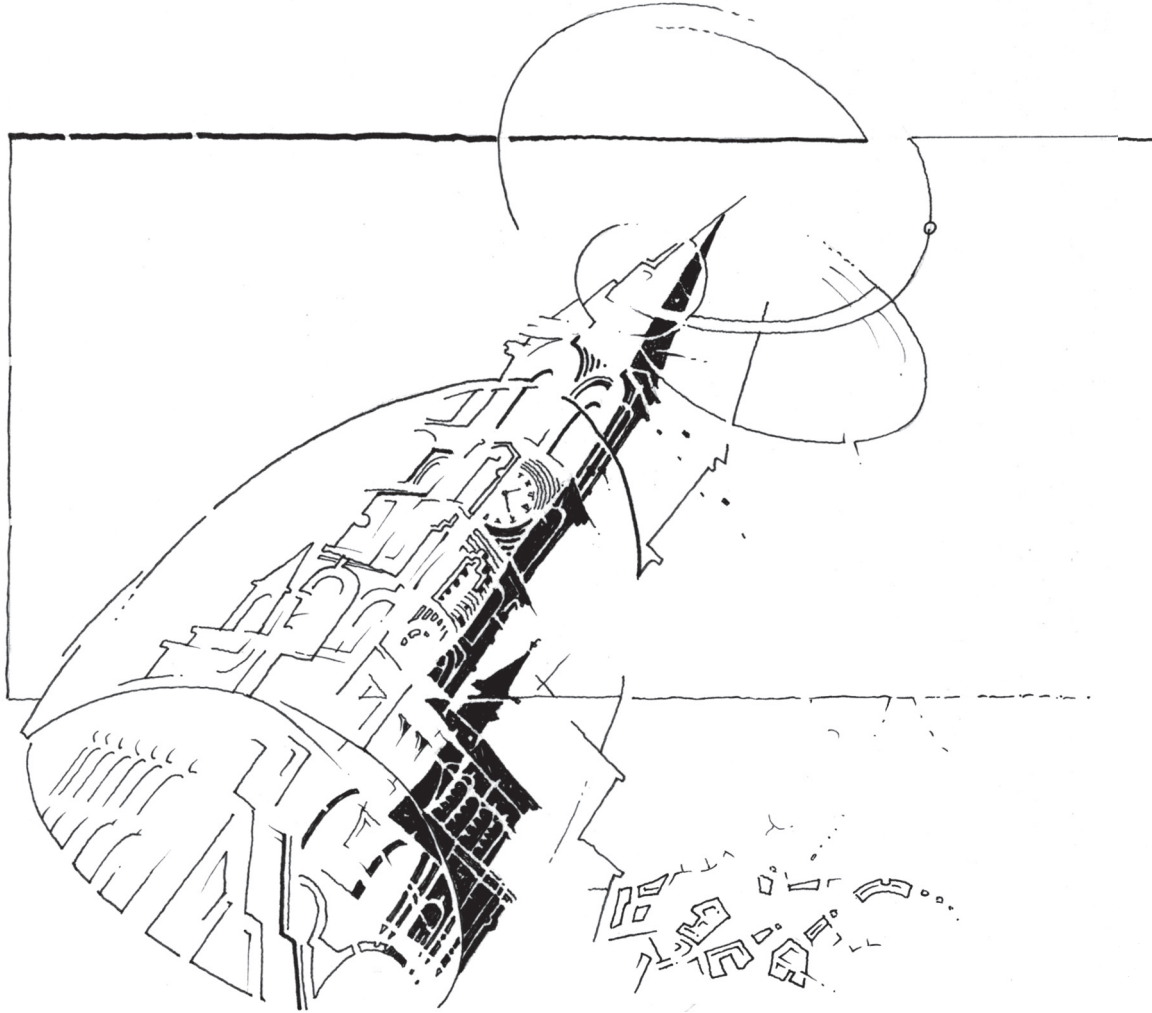
он и природе только собственным благодарен:
необычайным даром Бог наделил его,—
потому-то и случилось, что не мужик, не барин,
но человек обычный стал пытаться естество:

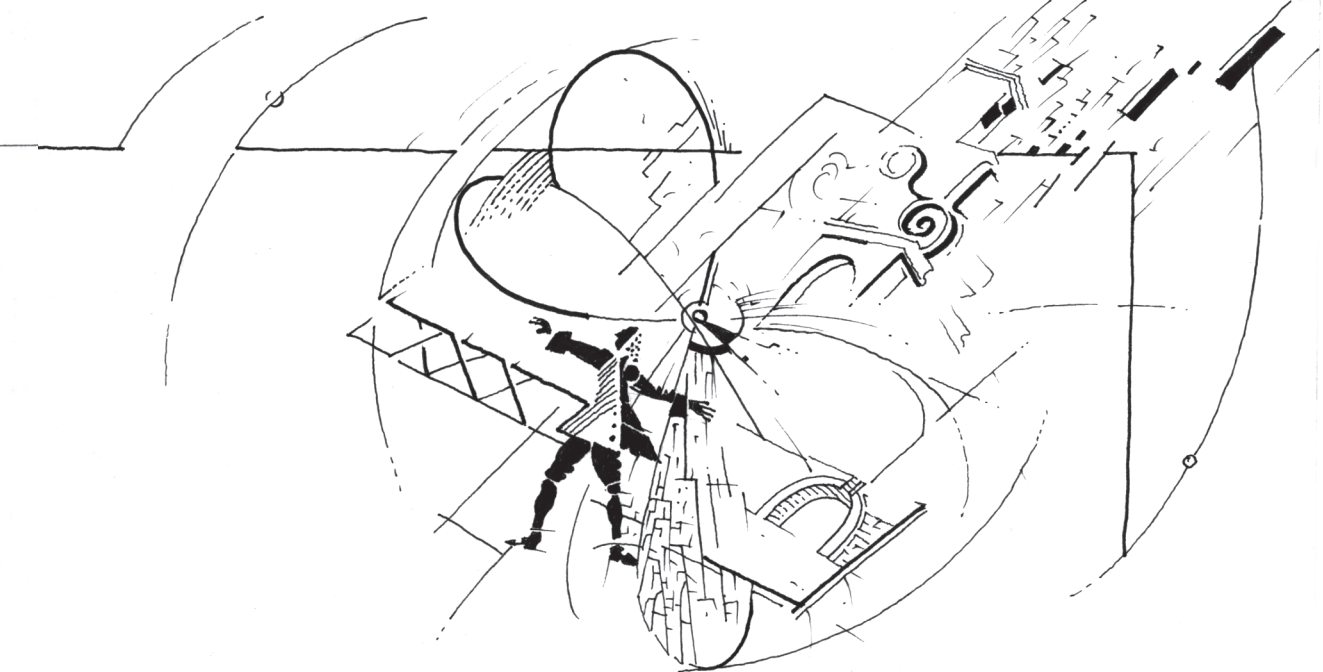
переплавлять в горниле пламенном, точной мерой
измерять кропотливо, взвешивать на весах,—
по всему и выходит: сомневайся, но веруй.—
А пока что в московских кру́жится небесах

Брюс на своем ретивом аероветролёте,
солнце застеневая,—уже за кругом круг,—
ниже,—гудят моторы, скорый конец работе
предвкушая,—и смолкли неожиданно, вдруг.

Попытка объяснить
их происхождение
Божественным
промыслом. —
Рассуждение в защиту веры.

Мягкая посадка Брюса
на Сухаревской площади
в Москве, месте
последующего действия.

Сухаревская площадь: башня—как на ладони
перевёрнутый кубок,—валом валит народ
сонные зенки пялить. Шум, суматоха, кони
бьются, храпят в испуге,—горе наоборот.

Народ приветствует Брюса.

В колокола колотят.—Долго не выбирая,
башню Брюс, что скворешню облюбовал скворец.
Вот неделя проходит, пролетает вторая,
третья течет неспешно—протекла наконец.

Выбор будущего места
жительства.

Трудно составить полный список его занятий,
дел великих и малых перечень за такой
срок—бумаги не хватит, ни замков, ни печатей,
чтобы хранить в архиве,—вреден ему покой.

Начало точного перечня
разнообразных занятий
Брюса.

Брюс по столам расставил пузырьки да подзоры
и распихал по полкам тыщи тяжёлых книг,
карт, чертежей и планов переворочал горы —
ногу поставить негде, но разобраться в них

Создание порядка
из хаоса
для начала работы.

некому, кроме Брюса. — Вот алфавит вселенной
перелагает с тарабарского языка,
брови насупя, — ради пользы, не славы бренной
для изводить чернила не устаёт рука

Перевод
астрономического
календаря.

правая: пишет, пишет непонятные знаки,
шепчет под нос по-русски звёздные имена,
с небом сверяет, видит светы в крошечном мраке, —
ночи ему открыта широта, глубина.